

Всё вышесказанное подводит нас к следующему:

По логике вещей Хуа Мянью должна была бы принимать у себя столько людей, что пальцев на руках не хватило бы, но в силу тех или иных причин реальность такова...

Ни один нормальный человек не станет обращаться к Хуа Мянью, чтобы пролезть по блату.

Поэтому, будучи «старым волком» съемочной площадки с пятилетним стажем, Хуа Мянью чувствовала себя полным новичком в вопросах «пролезания по блату».

Придя на площадку, она достала из кармана маску и натянула её. Сегодня Хуа Мянью не стала сразу нырять в фургон с реквизитом, а, приподнявшись на цыпочки, стояла в стороне от толпы и наблюдала за суетой рабочих. Взгляд её блуждал, она выглядела рассеянной...

Неподалеку, в центре толпы, на складном кресле восседал Бай И. Рядом с ним лежали надкушенный пирог из Старбакса и стакан кофе. Его ассистент делал ему массаж, время от времени перебрасываясь с ним шутками.

Массовка шумно переодевалась, примеряла аксессуары. Уход Ван Гэ никак не отразился на темпе работы: девушки из костюмерной, вооружившись булавками и скотчем, ловко подгоняли арендованные костюмы по фигуре.

Сцену можно было назвать упорядоченным хаосом...

— Заколок не хватает! Что за дела у реквизиторов?

— Разве не говорили, что сегодня нужно двадцать нефритовых шпилек для служанок? Принесли только девятнадцать!

— Где ответственный? Где ответственный?!

— Художники еще не пришли?

Неподалеку сидел режиссер, закинув ногу на ногу:

— Вы, бездари, собрались до самого обеда возиться из-за одной заколки для статиста?

Все растерянно переглянулись, и взоры мгновенно обратились к реквизитору. Су Янь покрылась холодным потом и уже собралась было покорно извиниться и бежать обратно в фургон, чтобы поискать, не осталось ли там чего-нибудь подходящего, как вдруг увидела, что мимо неё, словно порыв ветра, промелькнула стройная фигурка.

Бай И, пребывавший в полудреме, услышал лишь мягкий, тихий шепот: «Одолжите на секунду». Он открыл глаза и как раз увидел, как Хуа Мянью наклонилась, взяла со столика его использованную пластиковую вилку от пирога, достала из кармана салфетку, протерла её, а затем развернулась и воткнула прямо в прическу одной из статисток.

Все: «...»

Маленькая вилка торчала из прически лишь наполовину, и издалека она ничем не отличалась от не слишком-то изящной бутафорской нефритовой шпильки.

Хуа Мянью опустила на пятки, снова достала влажную салфетку, вытерла руки и, опустив голову, пробормотала из-под маски:

— Готово.

Режиссер пришел в восторг, хлопнул себя по бедру и даже выдал что-то вроде: «Ну ты прямо наш Дораэмон!»

В глазах художников Хуа Мянью теперь почти сравнилась со словом «спаситель». И пока все вокруг шумно обсуждали произошедшее, готовясь к съемке первой сцены, люди вдруг увидели, что Хуа Мянью, которая в таких случаях обычно сразу уходила, не сдвинулась с места, а подбежала к режиссерскому стулу и остановилась справа от него.

Режиссер выключил мегафон и наклонился вправо:

— Что-то случилось?

— ...Мой... двоюродный брат... умирает от голода, — уши Хуа Мянью, видневшиеся из-под маски, покраснели так, что, казалось, вот-вот закапает кровь. — Сбежал из дома, паспорт потерял... Режиссер, можно... подать ему кусок хлеба?

Добормотав это до конца, она так смутилась, что ей хотелось провалиться сквозь землю. Опустив взгляд на свои носки, она прокручивала в голове целую лавину мыслей:

Не стоило говорить это режиссеру.

Он такой грозный.

Откажет.

Что делать, если откажет?

Так стыдно.

Позор.

Будут смеяться.

Может, еще и обругает.

А-а-а-а, он меня обругает!

Воздух на мгновение застыл.

— Я-то думал, что случилось! Днем будет сцена битвы, пусть приходит. Если он достаточно высокий, дам ему роль помощника полководца, без проблем! — добродушно ответил режиссер на своем «гонконгском» диалекте. — Поставим рядом с Бай И, пять секунд в кадре. Такую возможность я даже тем, кто голову расшиб, не даю.

Хуа Мянью: «...»

Сердце её ликовало.

Низко поклонившись режиссеру, она вприпрыжку убежала.

...

Неподалеку.

Бай И, приподнявшись на своем кресле, молча смотрел вслед удаляющейся фигурке.

Ассистент, по-видимому, неверно истолковал его молчание и неловко произнес:

— ...Реквизиторы и правда перегнули палку. Еще и твою вилку забрали, мы ведь даже завтрак не доели.

— Ничего, — Бай И отвел взгляд. — Я всё равно не голоден, пусть забирает.

— ...Погоди, — Хуа Мянью подняла голову, озадаченно глядя на него. — Ты сказал, сколько тебе лет?

Сюаньцзи опустил взгляд на неё и бесстрастно ответил:

— Только что исполнилось двадцать один.

Хуа Мянью: «...»

Двадцать один год — возраст совершеннолетия для мужчины в древности... Вспомнив, как она сама в этом возрасте впервые увидела червяка в пенале и испугалась, она поняла, что никогда еще не хотела ругаться матом так сильно, как сейчас.

Двадцать один год. Он даже младше неё на пару лет.

...Ладно.

Хуа Мянью серьезно кивнула:

— Я поняла.

Сюаньцзи молча смотрел на неё, словно пытаясь понять, действительно ли эта девушка всё поняла и что именно она уяснила... Он даже не подозревал, что в голове у Хуа Мянью уже сложилась цельная история о нём:

Красивый юноша.

В шестнадцать лет сбежал из дома, поклявшись прославиться на весь мир.

Приехал в самое подходящее для этого место — киновязь города Н.

Пять лет упорного труда, десятки ролей в массовке, сотни сыгранных эпизодов в фэнтези-дорамах, где он обучился боевым искусствам у постановщиков трюков.

Но, увы, с лицом даже более красивым, чем у Бай И, ему не хватило удачи. За пять лет самая крупная роль — статист по имени И Сюаньцзи: чёрный халат, огромный меч за спиной, роль второго или третьего плана.

К несчастью, после съёмок государство ужесточило политику, исторические драмы запретили, и сериал канул в Лету вместе с надеждами юноши.

И в итоге.

Парень сошел с ума.

Теперь он бродит по киновязи в костюме, с реквизитом, воображая себя пришельцем из другого мира, который ищет ножны, чтобы взойти на престол и спасти человечество.

Мда.

Жалко его.

Такой красивый парень, а так рано тронулся умом. Люди часто говорят: «Этот человек помешался на желании прославиться».

Хуа Мянью подумала, что он и правда бедняга. С такой внешностью он мог бы играть вторые роли и через пару лет стать уровня Бай И, но судьба распорядилась иначе... Теперь он бродит здесь, не помня, кто он и куда идти.

Она столько лет кормилась на этой киновязи, что видела немало таких «актеров восемнадцатого эшелона», да и статистов, всю жизнь прозябающих в массовке, здесь пруд пруди.

Но чтобы от этого сойти с ума — такое она видела впервые.

Судя по его опрятному виду, он сошел с ума совсем недавно, может, через пару дней придет в себя. Решив помочь до конца, она подумала, что лучше оплатит ему номер в отеле, чтобы он привел себя в порядок, а когда придет в себя — вернет деньги.

Хуа Мянью:

— Паспорт с собой?

Сюаньцзи:

— Паспорт?

Хуа Мянью достала из кармана пластиковую карточку:

— Вот это.

Сюаньцзи взял её и посмотрел на легкую пластинку. На ней была изображена эта девушка, указаны имя, дата рождения и, вероятно, адрес. Внизу тянулась вереница цифр.

Сюаньцзи:

— На континенте Чжуся только у особо опасных преступников, находящихся в бегах, личность удостоверяется портретом и номером...

Хуа Мянью поняла его по-своему:

— ...Ты кого назвал преступником?

Сюаньцзи запнулся и поспешил объяснить:

— Девушка, вы не так поняли, я не хотел...

Хуа Мянью отмахнулась и повела его в отель подешевле, расположенный неподалеку от их гостиницы. Она открыла ему номер на своё имя. Когда она достала из кошелька купюру и протянула администратору, она заметила, что Сюаньцзи очень внимательно смотрит на её кошелек и руки...

Ой, нет, только не говорите, что он решил ограбить её из жадности!

Хуа Мянью занервничала, крепче сжала кошелек и, повернувшись, протянула ему ключ-карту:

— Поднимайся сам, номер написан на карте... Я, я, я не пойду провожать.

Она привела его к лифту, нажала кнопку вызова. В ожидании Сюаньцзи вдруг выудил откуда-то золотой слиток:

— Я в пути, не успел изучить валюту вашего мира. Это ходовая валюта континента Чжуся. Примите, прошу вас, а когда я вернусь домой, я обязательно отблагодаря вас нефритом...

Хуа Мянью уставилась на этот «фальшивый слиток» и подумала: «Брат, пощади меня!»

Но, видя, что он готов стоять здесь до скончания веков, пока она не возьмет, она сдалась, сунула «золото» в карман пальто и, как только лифт приехал, буквально втокнула его внутрь.

— Номер 1127, одиннадцатый этаж.

Она помахала ему рукой. Учтывая его «интеллект» человека, не знающего, кто он такой, она заботливо уточнила этаж.

Двери закрылись, скрыв его лицо, полное невысказанных слов. В тот миг, когда лифт скрылся, рука Хуа Мянью замерла. Она замолчала, почувствовав странную пустоту, и неловко почесала затылок.

...Что она вообще творит?

Тяжело вздохнув и сетуя на свою доброту, она не удержалась и подняла голову, желая дожидаться, пока лифт поднимется на одиннадцатый этаж.

Секунда. Десять секунд. Тридцать секунд. Минута.

Хуа Мянью: «...»

Она быстро нажала кнопку открытия дверей. Створки разъехались, и перед ней снова предстало то самое ледяное лицо, с которым она только что попрощалась.

Сюаньцзи:

— Девушка, зачем вы затолкали меня в этот железный ящик?

Хуа Мянью: «.....»

Встретившись глазами с мужчиной, она поняла, что он действительно не притворяется. Более того, в его взгляде читалась такая искренняя обида, что если бы не доверие к ней, он, пожалуй, уже давно бы её прибил за то, что она заперла его в «металлический ящик».

Хуа Мянью:

— Поче... почему не поднялся?

Сюаньцзи:

— Куда?

Хуа Мянью металась мыслями туда-сюда, но, заметив камеру наблюдения в лифте, глубоко вздохнула, набралась смелости и шагнула внутрь. Она взяла у него карту, приложила к

считывателю. Раздался писк, загорелась красная цифра «11», двери закрылись, лифт поехал вверх.

Хуа Мянью стояла к нему спиной:

— ...Это называется лифт.

Она помедлила и осторожно глянула на него через отражение в металлической дверце:

— Ты же видел снаружи, какой высоты это здание? Больше двадцати этажей, по лестнице подниматься — ноги отвалятся, поэтому нужно пользоваться лифтом...

Сюаньцзи почувствовал, как под ногами что-то дрогнуло, а сверху навалилось давление. Поразмыслив, он кивнул:

— Подъемник.

Теперь пришла очередь Хуа Мянью удивленно оглянуться. Мужчина продолжил:

— Храм Улян расположен на вершине острова Футу. От причала, через море цветов Улян, путь ведет к отвесным скалам. Мастера, искусные в механизмах, создали подъемники. Если посетители острова не владеют боевыми искусствами, они пользуются ими, чтобы подняться к храму. Говорят, храм Улян — это место, ближе всего расположенное к небу. Ночью, сидя на крыше храма, можно увидеть, как синий Мистический кит Футу проплывает сквозь Млечный Путь.

Море цветов Улян.

Млечный Путь.

Мистический кит Футу.

Сюаньцзи описывал это так живо, что в голове у Хуа Мянью возникли картинки из крупных онлайн-игр — те самые локации, созданные для ленивых игроков, которые не любят сложные рейды и PvP, лишь бы был повод задонатить...

Хуа Мянью:

— Звучит красиво, словно...

Словно отличное место для свидания.

Не успела она договорить, как увидела в отражении, что мужчина за её спиной слегка улыбнулся:

— К сожалению, на крышу храма Улян пускают не всех... Если будет возможность, я тебя туда возьму.

Как только слова слетели с его губ, она почувствовала, как её спина, которая только что немного расслабилась, снова напряглась.

Хуа Мянью: «...»

Она опустила голову, и её пальцы снова сплелись в замок на груди.

Он что, пригласил её на свидание?

А-а-а-а-а!

Впервые в жизни...

Даже если он сумасшедший, это всё равно повод для слез радости!

Её лицо слегка покраснело, и она поспешила оправдать это духотой в лифте.

К счастью, лифт прибыл на место. Они нашли номер. Хуа Мянью высоко подняла карту и, словно стюардесса, демонстрирующая правила безопасности, медленно показала ему, как ею пользоваться.

Затем она открыла дверь и вставила карту в слот.

— Вставляешь карту — появляется свет. Когда уходишь, не забудь забрать её, — Хуа Мянью сделала шаг назад, оставаясь в дверях. — Номер оплачен на три дня вперед. Постарайся за это время... найти какую-нибудь подработку в массовке, иначе через пару дней снова окажешься на улице.

Она выпалила это на одном дыхании и замолчала.

Она с тревогой смотрела на него, не зная, понял ли он хоть слово.

В тишине её мысли начали блуждать, она уже планировала пути отхода к лифту или служебному помещению на случай, если он вдруг решит ограбить её.

Но мужчина, стоявший в дверях, лишь выпрямил спину, сложил руки в почтительном жесте и с серьезным лицом произнес:

— Благодарю за помощь. Я в пути два дня и не имел возможности омыться. Если вас не затруднит, попросите слугу прислать ведро горячей воды...

Хуа Мянью: «...»

Сюаньцзи: «?»

Хуа Мянью:

— В номере есть горячая вода. Подается круглосуточно.

Сюаньцзи: «?»

Хуа Мянъ вздохнула.

Как говорится, взялся помогать — помогай до конца.

<http://bllate.org/book/21766/2250929>